

Миф как средство сакрализации жизненного мира человека

А.С. Майданов

Решается задача истолкования одного из самых загадочных образов в мировой мифологии — образа трехногого осла в зороастрийских текстах. Существующие трактовки не объясняют все элементы этого образа и их онтологическую природу. Предпринята попытка выявить специфику языка мифов, состоящего в значительной степени из символов повышенной социальной значимости. Показано, как с их помощью осуществляется процесс сакрализации жизненного мира древних иранцев, создавших Авесту и другие священные тексты зороастрийской религии. Вместо распространенного в иранистике космологического и других подходов натуралистического характера применяется социокультурный подход. Используется также тропологический подход, то есть взгляд на образ главного персонажа мифа как на троп, вносящий сакральный смысл в жизнь социума. Излагается новая трактовка сакрального осла, образ которого символизирует существенные характеристики зороастрийской веры.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: эпистемология, религия, Авеста, мифический образ, символ, смысл, референт, Заратуштра, Ахура-Мазда, интерпретация, культура, жизненный мир, сакральное, моральная триада, мифотворчество.

МАЙДАНОВ Анатолий Степанович — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН.

anmaid@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 2 марта 2018 г.

Цитирование: *Майданов А.С.* Миф как средство сакрализации жизненного мира человека // Вопросы философии. 2018. № 9. С. 207–214.

Текст мифов выполняет две важнейшие языковые функции: информативную (основной план) и экспрессивную (план условных образов). Непростая работа — двойное чтение мифов, движение мысли в двух часто очень разных планах. Но ее необходимо проделать, чтобы адекватно и в полном объеме постичь смысл этих зачастую головоломных мифов, одним из которых является повествование о трехногом осле, содержащееся в древнеиранской мифологии.

Впервые мы его встречаем в главной священной книге зороастрийской религии Авесте в разделе «Ясна» («почитание», «поклонение») 42.4. Но здесь он описан довольно кратко. Однако мы видим его главный признак: у осла всего три ноги. Такая особенность сразу оказывается для нас загадкой: почему же три, а не четыре?

Мы читаем Авесту дальше и стараемся найти более полное и более адекватное описание этого животного. Но наши поиски напрасны. Нигде в Авесте больше о нем ничего не говорится. Мы вспоминаем, что до нас Авеста дошла не полностью: утерян четвертый наск (книга) Авесты. Возможно, в этом наске и был более развернутый, полный текст искомого мифа?

Просматривая другие зороастрийские тексты, мы обнаруживаем нужный нам миф в значительно более позднем зороастрийском трактате, который называется «Бун-

дахишн» — «Первотворение», «Сотворение основы». Иранисты считают его переложением утраченного наска Авесты. Ее древняя часть, к которой относится и раздел «Ясна», если взять самый широкий диапазон дат, предлагаемый исследователями, может быть отнесена к X–VII вв. до н. э. Восстановленный же вариант утраченного наска иранисты относят к III–VII вв. н.э. Такой разрыв в датах не может не сказаться на содержании анализируемого мифа. И в самом деле, четвертый наск, в том числе и данный миф претерпели изменения и были дополнены различными вставками. Но вполне можно утверждать, что поздний текст включил в себя наиболее развитое и полное представление о персонаже этого мифа и о вложенном в него образе сакрального осла. Прочтем внимательно его описание:

...Он стоит посреди моря Фрахвард, и ног у него — три, глаз — шесть, ртов — девять, ушей — два, рог — один, голова синяя, тело белое, пища духовная, и он праведен. Два из его шести глаз — на месте глаз, два — на макушке, два — на месте загривка. И силою («жестокостью») этих шести глаз он подавляет и разбивает. Из девяти ртов три — на голове, три — на загривке и три — на внутренней части тела, а каждый рот величиной с гору Хунванд, и каждая из его трех ног, когда он стоит на земле, такова, что тысяча овец, если соберутся в стадо, пройдут под нею, а бабка ноги так велика, что в нее войдут тысяча человек с табуном в тысячу лошадей. Что касается его двух ушей, то он может накрыть ими Мазендеран. Один его золотой рог подобен рогу полому, и на нем выросла тысяча рогов, некоторые на высоте верблюда, некоторые — лошади, некоторые — коровы, некоторые — осла, и большие, и маленькие. Тем рогом он очень жестоко разбивает и уничтожает все старания вредных существ. Когда этот осел наклоняет (держит) шею в море и опускает в него уши, вся вода моря Фрахвард волнуется волнами и дрожит страна Ганавад. Когда он кричит, все самки водяных тварей — творения Ормазда — беременеют, а все беременные водяные вредные твари, когда слышат этот крик, выкидывают своих детенышей. Когда он мочится в море, вся морская вода, что в семи земных кешварах, становится чище, по этой причине все ослы, когда входят в воду, мочатся в нее. Как он говорит: «О трехногий осел! Если бы ты не был создан для воды, вся вода в море пропала бы из-за осквернения её ядом, который Злой дух внес в воду через смерть творений Ормазда». Тиштар берет из моря очень много воды с помощью трехногого осла. И известно также об амбре, что это — испражнения трехногого осла, так как если у него много духовной пищи, то тогда влага из жидкой пищи проникает в его тело по сосудам и с мочой и с испражнениями выводится» [Зороастрийские тексты 1997, 290–291].

(Здесь Фрахвард, авест. Ворукаша — Аральское море; Хунванд — гора на юге Средней Азии, Мазендеран — область к югу от Каспийского моря; Ганавад — страна на юге Средней Азии, Ормазд — бог Ахура-Мазда, Кешвары — части обитаемого мира, Тиштар — звезда Сириус).

Такой облик выглядит чрезвычайно колоритным, содержащим смесь самых разнообразных признаков. Ясно, что для него не просто найти в окружающем мире сколько-нибудь сходный по внешним чертам референт. Зороастрийский осел—существо, сконструированное изощренным мифологическим сознанием. Но исследователи зороастрийской мифологии поначалу шли именно этим путем — искали реальный референт этого диковинного образа. Переводчик «Бундахишна» О.М. Чунакова составила подборку толкований образа осла. Я воспользуюсь этой подборкой, чтобы показать, какими разными путями шел поиск в этой области исследований [Там же, 21–24].

Первая трактовка— метеорологическая, принадлежит Дж. Дармстетеру (1849–1894), автору полного перевода Авесты на французский язык. По его мнению, образ осла является символом грозовой тучи, а его крик — раскатами грома. При таком толковании многие признаки остаются без референтов, например, три ноги, множе-

ство глаз, ртов, рогов. Нельзя найти хотя бы какой-нибудь аналог метеорологическим явлениям для таких признаков осла, как праведность, наличие у него духовной пищи, тысяч праведных существ, которые бы охраняли его.

Э. Вест, опубликовавший целую серию зороастрийских текстов, полагал, что это божественное существо позаимствовано зороастрийскими жрецами из других религий, хотя и неясно, из каких именно. В описании трехногого осла содержится ряд признаков, которые характерны именно для Средней Азии: море Фрахвард, область Мазендеран и др. В мифе называются те домашние животные, которые как раз были у древних иранцев во время создания Авесты. Божество Тиштар (иранское олицетворение звезды Сириус) — одно из сверхсуществ небесного пантеона тех же иранцев. Миф связывает в единую комбинацию три объекта (осел, море и звезда), которые именно в таком сочетании характерны для зороастризма.

В. Калмовский полагал, что нарисованную в этом мифе картину можно считать описанием макрокосма по аналогии с микрокосмом — человеческим организмом. В этом случае трехногий осел символизирует треугольную по форме печень, которая играет важную роль в очистке организма и т. д. Но и при таком толковании неясно, с какими частями организма следует соотнести объекты, упоминаемые в мифе.

Подход самой О.М. Чунаковой можно назвать космологическим: «...его голова — небо, туловище — воздушное пространство. Поскольку он стоит в центре моря, то очевидно, что при сотворении мира он поднялся из водного пространства, т. е. первоначально принадлежал нижнему миру, а все мифологические существа, принадлежавшие нижним слоям мироздания, с которыми связано все уродливое и плохое, наделяются ущербными ногами» [Там же, 23]. В расположении шести глаз и девяти ртов осла исследователь видит очертания хорошо известных звездных скоплений созвездия Тельца, а именно Плеяд и Диад.

Однако между образом этого существа и очертаниями созвездия есть и большая разница. Во-первых, в созвездии Тельца кроме двух скоплений видны еще два объекта — Крабовидная туманность и обособленно существующая яркая оранжевая звезда Альдебаран. В скоплении Плеяд действительно остроумно взгляду видны шесть наиболее ярких звезд. Но в скоплении Диад можно различить не девять звезд, а более ста.

Доводом против космологической трактовки могут быть и те признаки осла, о которых идет речь в другом зороастрийском сочинении — в «Суждениях духа разума»: «Трехногий осел находится в центре моря Ворукаша, и всякие воды, когда они достигают трехногого осла, он все своим взглядом очищает и освящает» [Там же, 120]. Здесь осел является лишь частью космоса и пребывает в одном из ареалов — в море, и действия, которые он совершает, носят не космический, а вполне земной характер.

Попробуем обратиться к другим признакам осла. Их набор крайне богат, и при этом они самой разной природы: и взятые из непосредственно воспринимаемой природной среды, и мистические, полностью вымышленные, не имеющие каких-либо коррелятов в реальном мире, например, его способность разбивать и уничтожать результаты деяний вредных существ. Но одна группа мистических признаков заслуживает особого внимания. Эти признаки наделены квазипредметным значением и локализуются в образах сверхъестественных существ и сил. Будучи сакрализованными, они понимаются архаичными людьми как реальные факторы их жизненного мира.

У осла «много духовной пищи», он «праведный», его «охраняет тысяча праведников». Эти признаки можно отнести к религиозной вере, зороастризму, и предположить, что референтом трехногого осла является зороастрийская вера. Это соображение можно подкрепить и другими утверждениями. Так, образ осла наделяется большой моральной силой, способной противостоять деяниям злых тварей, злого духа. Силой глаз он подавляет и разбивает их. Он способен воскрешать мертвых, совершать добрые дела для почитающих его. Таким образом, через поступки и действия сакрального осла репрезентируется большая этическая сила, как и должно быть, когда речь заходит о религиозных образах.

Миф уделяет особое внимание размерам осла и количеству частей его тела. Он огромен, однако не заполняет все пространство, а соотносится с реальными ланд-

шафтами Средней Азии. Многочисленные глаза, рты и рога предназначены для устрашения и уничтожения врагов и злых существ. Этой стороной своего облика осел символизирует большую силу и опасность зороастрийской религии для её противников, которых было немало в период ее утверждения в среде многочисленных ино-племенников и даже среди иранцев. Об этом говорит Авеста:

Чтоб мы сумели, добрые,
Благие, благодушные,
С надеждою и радостно
Преодолеть вражду
Врагов — людей и дэвов,
И ведьм, и колдунов,
И кавиев-тиранов,
И злобных карапанов.

(«Яшт» 10.34. Пер. И. М. Стеблина-Каменского; см.: [Авеста 1998]).

Для истолкования значения рогов можно опереться на исследование об их роли в культуре древних народов [Скобелев 2008]. Рог был символом могущества, силы, божественной власти. В Библии это знак как силы, так и крепости, владычества, царствования. Прототипом такого образа были животные, вооруженные крепкими рогами. Большое количество глаз у осла, по-видимому, символизировало способность зороастрийской религии видеть злодеяния дэвов, а огромные уши — слышать на любом расстоянии и в любом месте злые речи противников.

Тогда и трехноготь, вероятно, является какой-то характеристикой зороастрийской религии. И как ноги составляют главную часть всей фигуры осла, являясь ее опорой, то и нужные нам элементы религии должны быть такими же важными и фундаментальными. Перебирая компоненты зороастрийской доктрины, мы находим нужный нам элемент: три заповеди, на которых строится всё этическое учение зороастризма, его моральная триада. В «Бундахишне» она сформулирована так: «И Ормазд сказал Машйа и Машйане: “Вы люди, вы отец и мать мира, я создал вас из самых совершенных и лучших побуждений. Честно (“благонамеренно”) исполняйте деяния веры, думайте благие мысли, говорите благие слова, совершайте благие дела и не почитайте дэвов”» [Зороастрийские тексты 1997, 284]. В Авесте эта заповедь дана более кратко: «И в этой речи Маздой было сказано о трех мерах... Какие это меры? Добрая мысль, доброе слово, доброе деяние» («Младшая Ясна» 19. 16. Пер. С. П. Виноградовой). Адепты зороастризма высоко ценили моральную триаду и каждый ее член, что выразилось в их обожевлении. Так, Благая Мысль стала божеством Воху-Мана («благой помысел»). Он считался духом главного богатства иранцев — скота, небесным образом общины оседлых скотоводов, их покровителем. Благое Слово олицетворялось главным богом — Ахура-Маздой («господь мудрый»). В период заселения Средней Азии для иранцев основной заботой было одолеть противников, поэтому одна из главных просьб к этому божеству гласила: «Мазда, Заратуштре дай слово чудодейственное, то, что поможет, наконец, одолеть всех злобных недругов» («Ясна» 28.6). Благое Дело персонафицировалось мудрецом Аши («правда, истина»). Аши символизирует благую судьбу, благоденствие людей. С ним приходит в жизнь наилучший распорядок, включающий в себя справедливость, правдивость, благое поведение («Ясна» 43.9). Аши вносит порядок в жизнь общества, поддерживает этические нормы, соблюдение договоров между отдельными людьми и между племенами.

Цвет осла также должен быть сакральным признаком. Обратимся же к особенностям восприятия цвета богами и людьми в «Бундахишне». Из подлинно человеческих существ первым был создан Гайомард — светлый, белый человек, подобный будущему Заратуштре. Своим цветом иранцы считали белый, придавая ему исключительное значение; полностью или частично белые животные считались главами соответствующих видов: белая лошадь — главой лошадей, белая антилопа — главой коз и т.п. При такой особой значимости белого цвета трехногий осел не мог быть иного цвета,

кроме белого. Можно привести примеры и из мифов других народов, где белый цвет также оказывается сакральным. У зороастрийцев, по-видимому, из значений белого цвета важнее всего его соотнесение с властью, господством.

Прямых указаний на особую роль синего цвета в зороастрийских текстах найти не удастся. В индийской культуре мы обнаруживаем синий цвет как символ силы и упорной борьбы со злом, что вполне согласуется с духовным обликом иранского мифического осла. Синий как цвет истинного, бессмертного известен и другим религиозным традициям, включая христианскую и иудейскую. Представители разных традиций во многом одинаково воспринимали духовный и эмоциональный смысл цветов, что позволяет нам переносить значения того или иного цвета из одних традиций (где это значение дается вполне явно) в другие, где такой эксплицитности недостает.

Чем же объяснить то, что все перечисленные физические признаки и соответствующие им духовные смыслы были приданы зороастрийскими жрецами такому животному, каким является осел? В древности это животное воспринималось совершенно иначе, чем сейчас. В странах Ближнего Востока его считали священным, одной из ипостасей божества. Так в Древнем Египте осла рассматривали как одну из форм солнечного божества, в древнееврейской культуре он рассматривался как священное животное царей, пророков, судей, как символ мира и спасения. В индийских Ведах осел – ездовое животное некоторых богов. В мусульманских традициях он является одним из небесных животных, а в христианстве именно на осле Иисус Христос въезжает в Иерусалим; см.: [Фрейденберг 1998].

Большого почитания осла заслужили целым набором своих полезных для человека качеств: они выносливы, могут длительное время обходиться без корма и воды, легко переносят жару, способны переносить тяжести, равные 2/3 собственного веса. Еще до одомашнения лошадей ослов использовали как надежную тягловую силу. Ослам в древних текстах приписывается и хороший нрав: они смиренны, терпеливы, умерены в своих поступках, трудолюбивы и в то же время тверды [Топоров 1998, 264–265]. Именно эти качества скорее всего и послужили основанием для их сакрализации. Достоинства ослов были хорошо знакомы древним иранцам, которые широко использовали их в быту в период расселения в Средней Азии, когда продолжалась работа по сочинению священных зороастрийских книг. Именно тогда жрецы новой религии возложили на образ осла роль ведущего священного животного, воплотившего в себе целый комплекс духовных, этических и эстетических элементов новой веры. Прототипом трехногого белого осла мог быть представитель одной из пород ослов – светло-серый, почти белый бухарский осел. Животные этой породы были потомками одомашненных египетских ослов, высокорослых, исключительной силы и выносливости.

Если идеологи Древнего Ирана и некоторых других стран поставили на первое место в облике реального осла одну группу его признаков, считая их положительными, то идеологи других культур поместили на это место другую группу признаков – противоположных по характеру. Вследствие этого осел предстает перед людьми этих культур совершенно другим существом: он ленив, глуп, невежествен, упрям, похотлив. В некоторых древнеегипетских мифах это мирное животное стало символом вселенского зла и атрибутом зловредного бога пустынь. В древнегреческой мифологии осел стал символом глупой праздности и безделья. На ослах ездят бог вина Бахус и его хмельная братия. В Европе осел не пользовался каким-либо уважением, олицетворял такие людские пороки, как тупое упрямство, безделье, недомыслие.

Таким образом, если смотреть на мифологию в целом, то мы видим факт полярной раздвоенности облика осла. Эта раздвоенность даже использовалась в политической борьбе между сторонниками противоположных представлений об этом животном. Так было в США в ходе борьбы между демократической и республиканской партиями на президентских выборах 1818 г. Лидеры демократической партии избрали своим символом осла как животное, которое предупреждает людей об опасности (как Валаамова ослица), удерживает власть имущих от действий против народа. Достоинством осла демократы считали настойчивость, верность, способность переносить большие нагрузки.

Оппоненты из республиканской партии осуждали лидера демократов Джексона за буйный нрав, за неуважительное отношение к власти, за упорство и упрямство. Его лозунгом были слова: «Пусть народ правит!» Республиканцы возражали: «Если бы страной управлял народ, то это было бы государство, которым управляет стадо ослов». Так, у создаваемых мифотворцами образов разный смысл вкладывается в один и тот же знак; обусловленная разнохарактерностью признаков референта двойственность последнего привела к амбивалентности смысла соответствующего символа.

Из описания трехного осла, данного в «Бундахишне», видно, какую сложную задачу ставили перед собой его авторы. Она вытекает из требований чрезвычайно напряженной ситуации, в которой оказались древние иранцы в первой половине I тысячелетия до н. э., стремившиеся закрепиться на новых для них землях Средней Азии, Афганистана и северо-восточного Ирана. Им нужно было успешно противостоять обитавшим здесь иноплеменникам, объединить в прочный союз собственные племена, выработать образ жизни, связанный с переходом к оседлому земледелию. Духовной опорой для них в этих условиях была новая религия – зороастризм. Ее нужно было укоренить в собственном народе и одновременно отстоять в борьбе с кочевыми племенами. Это требовало максимального совершенства всех средств выражения данной религии. Одним из таких средств стал трехногий осел как ее символ.

Главным средством создания такого образа были тропы, интенсивно примененные при его конструировании. Благодаря им возник чрезвычайно экспрессивный образ мифического существа, включивший в себя большой комплекс разнообразных выразительных элементов, что обеспечило ему высокую степень интеллектуального, психологического и эстетического воздействия на воспринимающих его людей. Символ стал не просто знаком, а знаком художественным, эстетически насыщенным. Посмотрим, какие же элементы художественного мышления помогли получить такой эффектный результат.

Таковыми элементами и оказались тропы, которые помогли создать живописные, насыщенные смысловыми оттенками, эмоционально окрашенные, не теряющие динамики образы. У иранских жрецов в то давнее время, как и у индийских риши, уже сформировался значительный набор таких средств. Охарактеризуем некоторые из них, ограничившись анализом лишь одного сюжета – мифа о трехногом осле.

Зороастрийские жрецы избрали прежде всего такой троп, как аллегория, «...состоящий в передаче отвлеченной идеи с помощью наглядного образа. Образ при этом означает нечто иное, чем есть он сам, его содержание остается для него внешним, будучи однозначно закреплено за ним культурной традицией или авторской волей» [Аверинцев 2005, 504]. При этом та или иная идея или явление представляется как живые существа. Это может относиться к религии, к понятиям о доброте, красоте, справедливости, душе, войне, мире и т. п. Связь между репрезентирующим образом и его значением устанавливается по аналогии. В «Бундахишне» именно такого характера понятия и явления посредством образа осла репрезентировали такие невещественные свойства зороастрийской религии, как духовная пища, праведность, нравственные заповеди, нетерпимость к проискам вредных существ и др.

Интенсивно использовали жрецы и такой троп, как гипербола. Носители новой для того времени религии зороастрийцы старались всячески придать своей вере особую значимость, подчеркнуть ее моральную и психологическую силу, превосходство над верованиями других племен. Для этого они стремились изобразить символ своей религии как можно более масштабно, величественно.

Активно используется в «Бундахишне» и метафора. Так, у осла множество рогов, один рог больше всех и выделен золотым цветом. Из всех гимнов жрецы выделяют как исключительную группу Гат (песнопений), сочиненных Заратуштрой. Этим авторством можно объяснить и особую силу главного рога (то есть собрания Гат), способного разбивать и уничтожать старания вредных существ.

Человек с древнейших времен стремился не только улучшить материальные условия своего существования, но одновременно наполнить духовным содержанием свой жизненный мир, созданный как природой, так и им самим. В число средств такой

оптимизации мира входят религиозные, мифологические и художественные образы и символы. Они помогают отобразить смысл в наглядной форме или в форме мысленных образов и донести его до восприятия и сознания людей, если он оказывается непосредственно не доступен этим способностям человека. Символ действует через посредство чувственно воспринимаемой вещи или психологически воссоздаваемой в мозгу образности. Он действует с помощью ранее пережитых реакций человека на те внешние предметы, образы которых включены в состав символа. Другими словами, он действует через уже известное человеку. Символ и его смысл различны по форме, субстрату, содержанию, но тождественны по вызываемым ими реакциям. Так, осел своим грозным видом пугает противников древних иранцев, и их так же пугает смысл новой религии.

Этот смысл входит в жизненный мир древних иранцев как его новая духовная сущность. Она объединяется с элементами этого мира и придает им новую значимость, новую ценность, и тем самым сакрализует их. Они становятся священными и выступают как императивные регулятивы социального поведения людей, их интеллектуальной деятельности и их отношения к предметному миру. Таким регулятивом для иранцев была прежде всего зороастрийская этическая триада. Ее смысл, соединенный с впечатляющим образом осла и со всем сакрализованным жизненным миром, определял исходный пункт, цель и способ жизнедеятельности древнего народа. Следовать этому нравственному императиву стало правилом для каждого приверженца этой веры. Как гласит вступительная формула «Яшт»: «Да возрадуется Ахура-Мазда и отвертится Анхра-Манью “воплощением Истины по воле достойнейшей”». Прославлю благомыслием, благословием и благодеянием благомыслие, благословие и благодеяние. Предаю всем благомыслию, благословию и благодеянию и отрекаюсь от всего зломыслия, злословия и злодеяния. Приношу вам, Бессмертные Святые, молитву и хвалу мыслью и словом, делом и силой, и “ тела своего жизнь”» (Пер. И.М. Стеблина-Каменского)

Источники – Primary Sources

Авеста 1998 – Авеста в русских переводах (1861–1996). Сост., общ. ред., примеч., справочный раздел И.В. Рака. Изд. 2-е. СПб.: Нева; Летний Сад, 1998 (Avesta in Russian Translations).

Зороастрийские тексты 1997 – Зороастрийские тексты. Суждения Духа разума. Сотворение основы (Бундахишн) и другие тексты. Издание подготовлено О. М. Чунаковой. М.: Восточная литература РАН, 1997 (Zoroastrian Texts in Russian Translation).

Ссылки – References in Russian

Аверинцев 2005 – *Аверинцев С.С.* Аллегория // Большая Российская энциклопедия. Т.1. М.: Большая Российская энциклопедия, 2005.

Скобелев 2008 – *Скобелев М. А.* Значение слова «рог» в библейской метафоре // Журнал Московской Патриархии. 2008. № 4. С. 76–85.

Топоров 1998 – *Топоров В.Н.* Осел // Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х т. Т. 2. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998.

Фрейденберг 1998 – *Фрейденберг О.М.* Въезд в Иерусалим на осле // *Фрейденберг О.М.* Миф и литература древности. 2-е изд. М.: Восточная литература РАН, 1998. С. 623–665.

The Myth as the Means of Sacralization of the Life World of Human

Anatoly S. Maydanov

The problem of interpreting one of the most mysterious images in the mythology of the world is solved. It is the interpretation of the image of the three-legged donkey contained in Zoroastrian texts. Existing interpretations do not explain all the elements of this image and their ontological nature. The attempt of revealing the specificity of the language of myths which consists largely of a special kind of symbols has been made. It is a kind of symbols of increased social significance. It is shown how the process of sacralization the life world of ancient Iranians has been carried out with the help of those symbols. Ancient Iranians were people who created Avesta and other sacred texts of the Zoroastrian religion. Instead of cosmological and other approaches of naturalistic character widespread in the Iranian studies, a socio-cultural approach is applied. The tropological approach is also used, i.e. the view on the image of the main character of the myth as the tropes that makes sacred sense in the life of the society. A new interpretation of the sacral donkey whose image symbolizes the essential characteristics of the Zoroastrian faith.

KEY WORDS: epistemology, religion, Avesta, mythical image, symbol, sense, referent, Zarathustra, Ahura-Mazda, interpretation, culture, life world, sacred, moral triad, myth-making.

MAYDANOV Anatoly S. – DSc in Philosophy, leading research fellow, Institute of philosophy Russian academy of science.

anmaid@mail.ru

Received on March 2, 2018.

Citation: Maydanov Anatoly S. (2018) “The Myth as the Means of Sacralization of the Life World of Human”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 9 (2018), pp. 207–214.

DOI: 10.31857/S004287440001363-4

References

- Averintsev, Sergey S.* (2005) “Allegory”, *The Great Russian Encyclopedia*, Vol. 1, The Great Russian Encyclopedia, Moscow.
- Skobelev, Mikhail A.* (2008) ‘The Meaning of the Word “Horn” in the Biblical Metaphor’, *Journal of Moscow Patriarchate*, No 4 (2008), pp. 76–85.
- Toporov, Vladimir N.* (1998) “The Ass”, *The Myths of the World Peoples*, Encyclopedia in 2 vols, Vol. 2, *The Great Russian Encyclopedia*, Moscow.
- Freidenberg, Olga M.* (1998) “Entering Jerusalem on the Ass”, *Freidenberg, Olga M., Myth and Literature of Antiquity*, 2nd ed., Vostochnaya literatura, Moscow, pp. 623–665.